

Фия Гизатулина

*Последняя
стрига*

Фия Гизатулина
Последняя стрига

«Автор»

2026

Гизатулина Ф.

Последняя стрига / Ф. Гизатулина — «Автор», 2026

В деревне, где свято чтут древние обычаи, где на праздник Купала плетут венки и прыгают через костры, живёт девушка по имени Веря. Она старается быть как все - трудиться, помогать, не задавать лишних вопросов и не замечать того, что видят лишь избранные. Но накануне магической ночи Веря всё чаще ловит себя на том, что видит то, чего не замечают другие: тени, скользящие у края зрения, едва уловимые отблески там, где их быть не должно, шёпот, похожий на забытый язык. Что это - игра воображения, отголоски детской травмы или пробуждение чего то древнего, дремавшего в её крови веками? Кто она: простая сирота, воспитанная доброй Ланой, или хранительница, чья судьба связана с лесом и его тайнами? Ей предстоит сделать выбор: остаться в безопасности, продолжая притворяться обычной, или шагнуть навстречу зову леса - и узнать правду, какой бы страшной она ни оказалась. Лес помнит. Лес ждёт. И он не отпустит её просто так.

© Гизатулина Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Фия Гизатулина

Последняя стрига

Глава 1

Я помню звонкий мамин смех - как звон медных колокольчиков на ветру, когда мы шли по лесу. Она то и дело приподнимала веточкой упавшие листья в поисках спрятанных грибов.

Ароматы пьянили: тяжёлый, почти осязаемый запах прелой листвы смешивался с терпким, колючим духом еловых веток. Опавшие берёзы выглядели из-за зелёного лапника, словно руки мертвецов, чьи длинные когти готовы схватить за волосы и утащить во тьму.

Рука мамы, сжимавшая мою маленькую ладошку, пахла мятой и кислыми ягодами брусники. Сок ещё не до конца высох, и я то и дело озиралась - вдруг где-то притаился маленький кустик с яркими красными бусинками?

Потом пришёл страх. Он наполнял меня изнутри, как ледяная вода в колодце студёным утром, когда родители собрались в дорогу. Мне казалось, что меня оставят здесь. Я силилась вспомнить все свои проступки - чем же я могла так разгневать отца?

Мама плакала всё чаще. Лишь немного повзрослев, я поняла: деревня умирала. Урожай скудел, лето становилось холоднее, а солнце будто выцветало, даря все меньше тепла и ласки. Родители решили искать лучшую жизнь.

Если бы они знали, чем закончится этот путь. Если бы знали, что лес уже приготовил для нас свою плату.

Сейчас я стою на опушке. Воздух пропитан тяжёлым запахом металла и соли, он обволакивает, словно липкая пелена. Впереди - ряды небольших домов, из печей вьётся серый дым. До меня долетают звуки жизни: голоса людей, крики животных, завывание ветра. Но всё тонет в гуле моего сердца, в ушах снова и снова звучат крики родителей и злобный рык, заполняя мир непроницаемой стеной.

В руках я сжимаю единственное, что удалось унести - клочок серой, длинной шерсти. Не помню, когда и откуда он появился.

Сафьяновые сапожки вязнут в иголках и листве. Пытаюсь шагнуть - и падаю. Сарафан цепляется за ветки берёз. Кубарем скатываюсь с опушки и наконец слышу голоса. Они приближаются, окутывая меня темнотой, липкой и беспросветной.

- Жива? хриплый громopodobный голос над ухом. Чьи-то руки хватают за плечи, трясут так, что зубы стучат от неожиданности - Открывай глаза, ну!

Я пытаюсь сфокусироваться. Лица расплываются в пелене слез, как в тумане. Кто-то чертыхается, кто-то кричит о бедах и ведьмах, но другая рука - мягкая, тёплая ложится на мой лоб.

- Тише, говорит женщина. Её голос, мягкий и убаюкивающий, звучит будто издалека.

- Она вся в крови. Дайте воды.

Меня поднимают. Тело не слушается, но я чувствую, как чьи-то ладони крепко держат меня, не давая снова упасть. Запах дыма и пота сменяется чем-то знакомым - мятой? Нет, это другое нежное и терпкое, но незнакомое.

Когда я снова открываю глаза, надо мной - низкий деревянный потолок, покрытый паутиной. Я лежу, укрытая грубым, тяжёлым одеялом, оно одновременно греет и прижимает к набитому соломой матрасу. В воздухе плавают запахи сушёных трав, сладкого меда и печёного хлеба.

- Ну вот, - тихо и размеренно говорит спасающая меня женщина. Она сидит рядом, и в её глазах нет страха. Только усталость, беспокойство и что-то ещё что-то, от чего моё сердце сбивается с ритма.

- Теперь ты в безопасности.

Запекшаяся кровь уже не стягивает кожу на моих щеках, но её запах - еле уловимый, металлический - всё ещё витает в воздухе. Он словно якорь, тянущий меня к реальности: всё это было наяву. Силясь подняться, я издаю лишь слабое мычание. Сил не осталось - они иссякли на опушке леса, оставив лишь липкий страх и густое непонимание.

- Меня зовут Лана, - спокойно произносит женщина. Её зелёные глаза напоминают листья крыжовника с тонкими светлыми прожилками. Вокруг глаз - сеть морщин, будто карта бессонных ночей и тяжёлой работы. Из-под тёмного платка выбилось несколько русых прядей, подёрнутых сединой.

- В В Веря, - с трудом выдавливаю я своё имя. Голос звучит чуждо, словно принадлежит кому-то другому.

Хочется спросить о родителях, о том, что произошло, где я и почему всё вокруг такое чужое. Но Лана уже подносит к моим губам кружку с тёплым молоком. Её прикосновение твёрдое, но бережное.

- Пей, - говорит она негромко. - Это поможет.

Я делаю несколько глотков. Молоко оставляет сладковатый привкус, а в груди разливается непривычное тепло. Мысли путаются, веки тяжелеют.

Лана поправляет одеяло, шепчет что-то неразборчивое. Я пытаюсь ухватиться за её слова, но сон уже накрывает меня - беспокойный, но такой необходимый.

Так я прожила десять лет. Первые дни не могла встать без её помощи, не могла выговорить даже своё имя. Теперь я знаю каждую тропинку вокруг деревни, каждый скрип избы, каждый оттенок её молчания. Мы не говорили о моих родителях - она не спрашивала, а я не напоминала. Муж Ланы погиб две зимы назад. Сын уехал ещё раньше - хотел увидеть, как живут в других деревнях. Родители не смогли его удержать.

Теперь я просыпаюсь до рассвета, чтобы растопить печь и замесить тесто. Мои руки привыкли к тяжёлой работе: к лопате, к вёдрам, к грубым ниткам. Но по ночам, когда Лана спит, я выхожу на крыльцо и смотрю в сторону леса. Он всё так же темнеет на горизонте - молчаливый, чужой.

В этом году мне исполнится шестнадцать. Я больше не та девочка, которую нашли на опушке. Но иногда, когда ветер шумит в листве, я слышу в нем что-то знакомое - и сердце сжимается, наполняясь тоской, страхом и жадой получить ответы.

Глава 2

- Веря, голубушка, в лес да на закате-то? - причитала Лана, сматывая нить в клубок. - Солнце уж за верхушки цепляется, Лешего время наступает! Запутает он тебя, уведёт к болотам да мавкам - где ж мы тебя искать будем? Да и сарафан-то красный - он для хороводов, а не для леса

Она не умолкала с того самого момента, как я сказала, что сама соберу земляники для пирогов.

- Да будет тебе, Лана, - я осторожно подпоясала любимый сарафан потуже. - Со мной всё будет хорошо. В лес я заходить далеко не стану - только до полянки у старого дуба. Наберу корзинку ягод и мигом назад.

Пальцы невольно скользнули к оберегу-луннице на груди и слегка сжали его - тётушка велела носить его с тринадцати лет. Потом поправила концы вышитого передника, что Лана сама учила меня расшивать.

- Хоть бы пояс льняной надела, с узелками! - не унималась она. - Да полыни в карман положи - от нечисти

- Так я и надела, - я потянула за концы льняного пояса, завязанного тройным узлом. - И кошу подвязала крепко, чтоб не мешала.

Тёмные вьющиеся волосы, собранные в толстую косу, были перехвачены простой льняной лентой. Я тряхнула головой - повязка держалась крепко.

Лана вздохнула, поправила сбившийся платок на затылке и хмуро оглядела меня ещё раз.

- Ну смотри - наконец сказала она. - Только до старого дуба и обратно. И если что - зови. Время-то тёплое, никто ещё не ложится. Соседушки услышат - помогут.

- Обязательно, - пообещала я и шагнула к двери.

Лёгкой походкой, с прямой осанкой - так, как учила Лана, чтобы спина не уставала от работы, - я вышла во двор. Солнце уже коснулось верхушек деревьев, окрашивая их в тревожные оранжевые тона. Тени удлинялись, будто кто-то невидимый тянул их за собой.

Веря шла по тропинке, вдыхая знакомый запах раскалённого железа из кузницы, древесной смолы и скошенной травы. Деревня жила своей обычной, размеренной жизнью - шумной, хлопотливой, но такой родной. Но сегодня всё было иначе: в воздухе витало предвкушение чего-то волшебного, почти осязаемое, как лёгкий ветерок, шевелящий ленты на ещё не развешенных ветках. Завтра наступит Купало, и уже сегодня деревня делала первые шаги к празднику.

Старухи собирали **пучки крапивы** раскладывали их у порогов - говорили, что она отпугивает мавок и лобаст в купальскую ночь.

Возле колодца несколько женщин **готовили нити и ленты** для украшения: красные, зелёные, жёлтые - завтра с рассветом начнут развешивать их вдоль улиц. Девушки сносили **вышитые полотенца** с обережными узорами - коловратами, грозовиками, знаками земли - чтобы завтра украсить ими колодцы и священные места.

У деревянного идола Ярилы парни **складывали основание кострища** - пока только нижние брёвна, чтобы не развалилось. Сухие берёзовые поленья аккуратно складывали рядом: берёза считалась священным деревом, её пламя очищало от скверны.

Дети бегали с **небольшими пучками трав** - зверобоя и полыни, - и весело кричали: - Купало идёт! Купало идёт!

Старухи ходили от дома к дому, **заготавливали** глиняные кувшины для росы - завтра на заре её соберут, ведь в канун Купалы она обретает целебную силу.

Сегодня всё казалось ярче: солнце золотило крыши изб, ветер играл листьями молодых берёз, а в воздухе витало предвкушение праздника. Завтра наступит день, когда граница между мирами истончается, духи выходят из своих убежищ, а травы обретают особую силу.

У кузницы Мирослав выправлял подкову. Всё детство она его боялась, ведь именно он тряс её и требовал ответа, но со временем поняла, что он добр и заботлив - то яблочек им принесёт, то мёду ароматного. Металл под его молотом звенел ровно, ритмично, будто вторил никому не ведомой песне. Увидев Верею, он поднял голову и усмехнулся:

- А, Верея! Неужто убежала от тётушки? Или она и не знает, что ты в лес на закате собралась?

- Знает, знает, - улыбнулась Верея. - Я надолго там не задержусь. Только за земляничкой - Лана обещала пирогов сделать.

- Да уж, - покачал головой кузнец. - Только смотри, девица: на закате в лес идти - примета плохая. Коли солнце за макушки цепляется, а ты в чашу ступаешь - Леший примет тебя за свою, да и уведёт подальше. Он ведь любит тех, кто на границе дня и ночи шагает. Да и мавки нынче беспокойны - у болота голоса слышали. Говорят, заманивают. А ещё лобасты по тропам бродят - те, кто в трясине сгинул. Они тропы путают, путников в топь заводят.

- Да я ненадолго, Мирослав, - заверила Верея. - Только до полянки и обратно.

- Ну смотри, - кузнец отложил молот, вытер руки о фартук. - Тогда вот что сделай: как в лес войдёшь, встань у первой сосны, поклонись на четыре стороны да скажи: «Лес-батюшка, пусти по делу, отпусти с добром. Я не трону твоего, не спугну зверя, не сломаю ветки без нужды». И брось горсть соли на землю - это ему в знак уважения. А сарафан ты правильный выбрала я смотрю - лоскотухи красных цветов бояться, не тронут.

- Всё сделаю, как говоришь, - кивнула Верея, проверив, что не забыла соль в корзинку положить.

- Вот и ладно, - Мирослав подмигнул. - Да помни: если тропа вдруг покажется незнакомой или смех услышишь за спиной - сразу зови Ярилу. В эту ночь он всех слышит, кто с чистым сердцем просит. Завтра ведь его праздник - сила особая.

Верея кивнула и пошла дальше. Воздух и правда казался гуще обычного, будто пропитанный ожиданием. Она вспомнила, как Лана учила её: «Лес - он живой. С ним говорить надо, уважать его. И слова помнить - они силу имеют, особенно в такие дни».

Возле колодца старуха Ганна развешивала полотно и, завидев Верею, всплеснула руками:

- Да как же она тебя отпустила в такое время? Неужто не наказала ждать до утра? В канун Купалы лес не любит, когда его тревожат без оберега. Да и болото нынче шепчет - лоскотухи хороводы водят, песни поют. Кто послушает - забудет, куда шёл, за собой утащат.

- Я ненадолго, бабушка Ганна, - заверила Верея. - И пояс с узелками надела, и полынь в карман положила, и соль взяла, и сарафан красный надела.

- Ну смотри, - покачала головой старуха. - Завтра с утра венки плести будем - приходи. Да и костры разжигать начнём. А сегодня - готовься, обереги проверяй. Завтра весь день работы хватит.

- Обязательно, - кивнула Верея.

В центре деревни, у деревянного идола Ярилы, несколько девушек **сортировали травы** для завтрашнего плетения венков. Одна из них, Марьяна, подмигнула Верее:

- В лес идёшь? Смотри, не пропусти место, где папоротник цветёт! Говорят, кто увидит - тот клад найдёт.

- Или лобасты, - добавила Марьяна шёпотом. - Говорят, они в эту ночь из трясины выходят, тропы путают. Главное иди без страха - нечисть труслива, смелости боится.

- И лоскотухи, - подхватила Маланья. - Те любят у воды стоять, косу расчёсывать. Кто на красоту заглядится - за собой утянут. Так что не смотри на отражения в воде, Верея, и песни их не слушай.

Девушки захихикали, но Веря только улыбнулась в ответ - знала, что это не просто шутки.

Она вдохнула полной грудью и пошла к опушке. Солнце ещё не опустилось, окрашивая небо в золотисто-лиловые оттенки лишь немного.

Веря сжала оберег-лунницу подходя к окраине леса и тихо прошептала: - Ярило-батюшка, укажи дорогу, убереги.

Лес замер, будто прислушиваясь. Где-то вдалеке защебетала иволга. Веря сделала шаг вперёд, и тёплый ветер подхватил её косу, будто погладив на прощание.

Не успев сделать и пары шагов в лес, ветер ударил в лицо, холодный и чуждый. Помня наказ Мирослава, Веря дошла до первой сосны, проведя по грубой коре подушечками пальцев. Поставила корзинку и глубоко поклонилась в каждую из сторон света, приговаривая слова, что заучила еще в детстве, когда ходила в лес с тетушкой.

Опушка осталась позади - и сразу стало тише. Шум деревни, гомон птиц, шелест травы у ног - всё будто отсекло невидимой чертой. Веря остановилась на мгновение, вслушиваясь: редкие шорохи, скрип сухих веток, далёкое пение иволги. Воздух здесь был прохладнее, пах хвоей и влажной землёй.

Помня наказ Мирослава, она направилась к высокой сосне, которую заметила ещё с опушки. Поставив корзинку на мох, откинула край холстины и осторожно достала горсть соли. Расправив плечи, Веря глубоко поклонилась на четыре стороны и негромко произнесла слова, которые велел сказать кузнец:

- Лес-батюшка, пусти по делу, отпусти с добром. Я не трону твоего, не спугну зверя, не сломаю ветки без нужды.

Закончив, бросила добрую щепотку соли у корней сосны и на мгновение замерла, прислушиваясь. Тишина. Только где-то вдали стучал дятел да шуршали листья на ветру.

Воспоминание мелькнуло само собой: вот она, совсем маленькая, стоит рядом с Ланой у этого же дерева. Тётушка строго кивает, а Веря хихикает, представляя огромного Лешего за стволом. Теперь всё иначе - ни смеха, ни беззаботности, лишь сосредоточенность и уважение.

Взяв корзинку, Веря двинулась дальше. До земляничной полянки оставалось всего верста на север. Тропа поначалу была знакомой: вот старый пенёк, куст шиповника, что только набрал розовые бутоны, вот берёза с отметиной на коре - Лана когда-то показала ей это место, чтобы не заблудиться.

Воздух здесь был прохладнее, пах прелью и мхом. Где-то высоко, в кронах, заскрипела ветка. Веря невольно оглянулась, но ничего не увидела - только стволы да переплетение ветвей. Она глубоко вдохнула, нащупала на шее оберег - гладкий, прохладный - и пошла вперёд, улыбнувшись - нечего пугаться каждого шороха. Впереди уже виднелись просветы между деревьями - значит, полянка близко и совсем скоро она пойдет обратно.

Земляника раскинулась перед ней щедрым ковром: алые ягоды прятались среди зелёных листьев, выглядывали из-под травинок, будто дразня. Первая ягода оказалась крупной и спелой - Кисло-сладкий вкус мгновенно перенёс её в детство.

Вот она, совсем маленькая, бежит по этой же полянке, а мама смеётся и кричит: «Веря, не торопись, смотри под ноги!» Отец тогда наклонялся, срывал самую крупную ягоду и давал ей со словами: «Самая сладкая - для моей девочки». Они собирали ягоды вместе, а потом мама варила варенье, и весь дом наполнялся душистым ароматом

Воспоминание обожгло сердце теплом, но на этот раз не вызвало острой боли. Веря тряхнула головой, отгоняя видения, и продолжила собирать. В этот раз воспоминания не сковывали её - они словно согревали изнутри, напоминая, что любовь родителей всё ещё с ней.

Пальцы быстро нашли привычный ритм, а корзина наполнялась на глазах.

Поляна всё так же пестрела алыми точками среди травы - щедрая, спокойная, будто и не отдала полную корзину ягод, а лишь поделилась частью своего богатства.

Поднявшись она повернулась к тропе - и замерла. Что-то было не так.

Сначала она не поняла, что именно. Всё выглядело привычно: деревья, кусты, тропа, уходящая вглубь леса. Но что-то в их расположении

Тропа уходила вглубь леса - прямая, знакомая, протоптанная еще задолго до ее во. Но теперь она казалась **слишком прямой**, как вспаханная борозда. В лесу такого не бывает.

Воздух сгустился, стал **плотным**, почти осязаемым. Он сдавливал легкие изнутри, заставлял задыхаться, что может быть привычнее чем дышать? Веревя сделала шаг вперед - и услышала, как хрустнула ветка под ногой. Звук наполнил все вокруг отголосками и эхом, слишком **сухим и резким**, словно она наступила на кость.

И так же мгновенно пропал. Тишина. Полная, абсолютная тишина. Ни птичьих голосов, ни шороха листьев, ни ветра. Бежать, нужно скорее бежать домой, но что-то мешало даже двинуть рукой.

Взгляд. Тяжелый, липкий, будто кто-то провел холодным пальцем вдоль позвоночника. Сжав рукоятку корзины до боли в костяшках, она смогла двинуться, обернулась, но ничего. Только стволы, переплетение ветвей и тени, слишком длинные, слишком резкие. Они шевелились. Медленно, едва заметно, но шевелились - не в такт движению ветвей.

В груди заколотилось сердце, когда из-за старого пня что-то шевельнулось.

Всего на миг - тень, более густая, чем остальные. Высокая, сгорбленная фигура с неестественно длинными руками, свисающими почти до земли. Лицо она не успела разглядеть его целиком, только запавшие глаза, в которых не было ничего человеческого, и приоткрытый рот, из которого капала густая, черная жидкость. Она падала на мох, и там, где капли касались земли, появлялись маленькие дымящиеся ямки.

Упырь.

Время остановилось. Веревя не могла пошевелиться. В голове вспыхнули обрывки того дня - холодного, ветреного, когда всё изменилось. Крики матери снова начали звучать в голове, заглушая биение сердца, заглушая все вокруг. Перед глазами всплыли ее руки, покрытые кровью, она тянулась к ней и кричала.

Нет.

Она не повторит судьбу родителей, лес не заберет и ее. Приложив, казалось, все силы что остались, Веревя выпрямилась.

- Уходи, - выдохнула она хрипло.

Фигура дрогнула. На мгновение показалось, что она сейчас двинется вперед - но вдруг тень **рассыпалась**, распалась на клочья тумана, которые втянулись в землю у корней пня.

Тишина треснула. Ветер ударил в лицо, ветви заскрипели, зашелестели листья. Веревя глубоко вдохнула, выдохнула, заставила себя сделать шаг. Потом ещё один.

Тропа снова выглядела обычной. Деревья стояли на своих местах, тени больше не шевелились. А было ли это на самом деле?

Может, это просто усталость? Или воспоминание, вырвавшееся наружу? Она коснулась лба - он был горячим. Ладонь дрожала.

- Это лес, - сказала она вслух, чтобы услышать собственный голос. - Просто лес.

Шаг за шагом, считая про себя, она пошла вперед. С каждым шагом уверенность возвращалась. Тропа вела её домой. Или ей так казалось?

Впереди сквозь деревья замелькали первые крыши. Из труб поднимался серый дым - Лана уже затопила печь.

Солнце почти скрылось за лесом. Последние лучи окрасили небо в багровый цвет - как кровь на траве в тот день. Она успеет вернуться вовремя. Как и обещала.

- Веря! - раздался голос тетушки. Она стояла у калитки, вытирая руки о передник. - Ну наконец-то! Я уж думала, ты заблудилась.

Веря улыбнулась, но улыбка получилась кривой, натянутой.

- Всё хорошо, - сказала она. - Я собрала землянику. Смотри.

- Ты в порядке? - тихо спросила Лана. - Лицо у тебя бледное.

- Просто устала, - Веря опустила руку, спрятав пятно под передником. - В лесу было тихо. Слишком тихо.

Лана помолчала, потом кивнула, будто поняла что-то, чего не сказала вслух. - Пойдём в дом, - сказала она. - Пироги сами себя не испекут. Да и тебе отдохнуть надо.

Они вошли во двор. Веря оглянулась через плечо - на опушке, у самого края леса, ей показалось, что между деревьями мелькнула тень. Высокая, сгорбленная, с неестественно длинными руками.

Она не умолкала с того самого момента, как я сказала, что сама соберу земляники для пирогов.

- Да будет тебе, Лана, - я осторожно подпоясала любимый сарафан потуже. - Со мной всё будет хорошо. В лес я заходить далеко не стану - только до полянки у старого дуба. Наберу корзинку ягод и мигом назад.

Пальцы невольно скользнули к оберегу-луннице на груди и слегка сжали его - тётушка велела носить его с тринадцати лет. Потом поправила концы вышитого передника, что Лана сама учила меня расшивать.

- Хоть бы пояс льняной надела, с узелками! - не унималась она. - Да полыни в карман положи - от нечисти

- Так я и надела, - я потянула за концы льняного пояса, завязанного тройным узлом. - И косу подвязала крепко, чтоб не мешала.

Тёмные вьющиеся волосы, собранные в толстую косу, были перехвачены простой льняной лентой. Я тряхнула головой - повязка держалась крепко.

Лана вздохнула, поправила сбившийся платок на затылке и хмуро оглядела меня ещё раз.

- Ну смотри - наконец сказала она. - Только до старого дуба и обратно. И если что - зови. Время-то тёплое, никто ещё не ложится. Соседушки услышат - помогут.

- Обязательно, - пообещала я и шагнула к двери.

Лёгкой походкой, с прямой осанкой - так, как учила Лана, чтобы спина не уставала от работы, - я вышла во двор. Солнце уже коснулось верхушек деревьев, окрашивая их в тревожные оранжевые тона. Тени удлинялись, будто кто-то невидимый тянул их за собой.

Веря шла по тропинке, вдыхая знакомый запах раскалённого железа из кузницы, древесной смолы и скошенной травы. Деревня жила своей обычной, размеренной жизнью - шумной, хлопотливой, но такой родной. Но сегодня всё было иначе: в воздухе витало предвкушение чего-то волшебного, почти осязаемое, как лёгкий ветерок, шевелящий ленты на ещё не развешенных ветках. Завтра наступит Купало, и уже сегодня деревня делала первые шаги к празднику.

Старухи собирали **пучки крапивы** раскладывали их у порогов - говорили, что она отпугивает мавок и лобаст в купальскую ночь.

Возле колодца несколько женщин **готовили нити и ленты** для украшения: красные, зелёные, жёлтые - завтра с рассветом начнут развешивать их вдоль улиц. Девушки сносили **вышитые полотенца** обережными узорами - коловратами, грозовиками, знаками земли - чтобы завтра украсить ими колодцы и священные места.

У деревянного идола Ярилы парни **складывали основание кострища** - пока только нижние брёвна, чтобы не развалилось. Сухие берёзовые поленья аккуратно складывали рядом: берёза считалась священным деревом, её пламя очищало от скверны.

Дети бегали с **небольшими пучками трав** - зверобоя и полыни, - и весело кричали: - Купало идёт! Купало идёт!

Старухи ходили от дома к дому, **заготавливали** глиняные кувшины для росы - завтра на заре её соберут, ведь в канун Купалы она обретает целебную силу.

Сегодня всё казалось ярче: солнце золотило крыши изб, ветер играл листьями молодых берёз, а в воздухе витало предвкушение праздника. Завтра наступит день, когда граница между мирами истончается, духи выходят из своих убежищ, а травы обретают особую силу.

У кузницы Мирослав выправлял подкову. Всё детство она его боялась, ведь именно он тряс её и требовал ответа, но со временем поняла, что он добр и заботлив - то яблочек им принесёт, то мёду ароматного. Металл под его молотом звенел ровно, ритмично, будто вторил никому не ведомой песне. Увидев Верёю, он поднял голову и усмехнулся:

- А, Верёя! Неужто убежала от тётушки? Или она и не знает, что ты в лес на закате собралась?

- Знает, знает, - улынулась Верёя. - Я надолго там не задержусь. Только за земляникой - Лана обещала пирогов сделать.

- Да уж, - покачал головой кузнец. - Только смотри, девица: на закате в лес идти - примета плохая. Коли солнце за макушки цепляется, а ты в чашу ступаешь - Леший примет тебя за свою, да и уведёт подальше. Он ведь любит тех, кто на границе дня и ночи шагает. Да и мавки нынче беспокойны - у болота голоса слышали. Говорят, заманивают. А ещё лобасты по тропам бродят - те, кто в трясине сгинул. Они тропы путают, путников в топь заводят.

- Да я ненадолго, Мирослав, - заверила Верёя. - Только до полянки и обратно.

- Ну смотри, - кузнец отложил молот, вытер руки о фартук. - Тогда вот что сделай: как в лес войдёшь, встань у первой сосны, поклонись на четыре стороны да скажи: «Лес-батюшка, пусти по делу, отпусти с добром. Я не трону твоего, не спугну зверя, не сломаю ветки без нужды». И брось горсть соли на землю - это ему в знак уважения. А сарафан ты правильный выбрала я смотрю - лоскотухи красных цветов бояться, не тронут.

- Всё сделаю, как говоришь, - кивнула Верёя, проверив, что не забыла соль в корзинку положить.

- Вот и ладно, - Мирослав подмигнул. - Да помни: если тропа вдруг покажется незнакомой или смех услышишь за спиной - сразу зови Ярилу. В эту ночь он всех слышит, кто с чистым сердцем просит. Завтра ведь его праздник - сила особая.

Верёя кивнула и пошла дальше. Воздух и правда казался гуще обычного, будто пропитанный ожиданием. Она вспомнила, как Лана учила её: «Лес - он живой. С ним говорить надо, уважать его. И слова помнить - они силу имеют, особенно в такие дни».

Возле колодца старуха Ганна развешивала полотно и, завидев Верёю, всплеснула руками:

- Да как же она тебя отпустила в такое время? Неужто не наказала ждать до утра? В канун Купалы лес не любит, когда его тревожат без берега. Да и болото нынче шепчет - лоскотухи хоровады водят, песни поют. Кто послушает - забудет, куда шёл, за собой утащат.

- Я ненадолго, бабушка Ганна, - заверила Верёя. - И пояс с узелками надела, и полынь в карман положила, и соль взяла, и сарафан красный надела.

- Ну смотри, - покачала головой старуха. - Завтра с утра венки плести будем - приходи. Да и костры разжигать начнём. А сегодня - готовься, береги проверяй. Завтра весь день работы хватит.

- Обязательно, - кивнула Верёя.

В центре деревни, у деревянного идола Ярилы, несколько девушек **сортировали трав** для завтрашнего плетения венков. Одна из них, Марьяна, подмигнула Верёе:

- В лес идёшь? Смотри, не пропусти место, где папоротник цветёт! Говорят, кто увидит - тот клад найдёт.

- Или лобасты, - добавила Марьяна шёпотом. - Говорят, они в эту ночь из трясины выходят, тропы путают. Главное иди без страха - нечисть труслива, смелости боится.

- И лоскотухи, - подхватила Маланья. - Те любят у воды стоять, косу расчёсывать. Кто на красоту заглядится - за собой утянут. Так что не смотри на отражения в воде, Веря, и песни их не слушай.

Девушки захихикали, но Веря только улыбнулась в ответ - знала, что это не просто шутки.

Она вдохнула полной грудью и пошла к опушке. Солнце ещё не опустилось, окрашивая небо в золотисто-лиловые оттенки лишь немного.

Веря ждала оберег-лунницу подходя к окраине леса и тихо прошептала: - Ярило-батюшка, укажи дорогу, убереги.

Лес замер, будто прислушиваясь. Где-то вдалеке защебетала иволга. Веря сделала шаг вперёд, и тёплый ветер подхватил её косу, будто погладив на прощание.

Не успев сделать и пары шагов в лес, ветер ударил в лицо, холодный и чуждый. Помня наказ Мирослава, Веря дошла до первой сосны, проведя по грубой коре подушечками пальцев. Поставила корзинку и глубоко поклонилась в каждую из сторон света, приговаривая слова, что заучила ещё в детстве, когда ходила в лес с тетушкой.

Опушка осталась позади - и сразу стало тише. Шум деревни, гомон птиц, шелест травы у ног - всё будто отсекло невидимой чертой. Веря остановилась на мгновение, вслушиваясь: редкие шорохи, скрип сухих веток, далёкое пение иволги. Воздух здесь был прохладнее, пах хвоей и влажной землёй.

Помня наказ Мирослава, она направилась к высокой сосне, которую заметила ещё с опушки. Поставив корзинку на мох, откинула край холстины и осторожно достала горсть соли. Расправив плечи, Веря глубоко поклонилась на четыре стороны и негромко произнесла слова, которые велел сказать кузнец:

- Лес-батюшка, пусти по делу, отпусти с добром. Я не трону твоего, не спугну зверя, не сломаю ветки без нужды.

Закончив, бросила добрую щепотку соли у корней сосны и на мгновение замерла, прислушиваясь. Тишина. Только где-то вдали стучал дятел да шуршали листья на ветру.

Воспоминание мелькнуло само собой: вот она, совсем маленькая, стоит рядом с Ланой у этого же дерева. Тётушка строго кивает, а Веря хихикает, представляя огромного Лешего за стволом. Теперь всё иначе - ни смеха, ни беззаботности, лишь сосредоточенность и уважение.

Взяв корзинку, Веря двинулась дальше. До земляничной полянки оставалось всего верста на север. Тропа поначалу была знакомой: вот старый пенёк, куст шиповника, что только набрал розовые бутоны, вот берёза с отметиной на коре - Лана когда-то показала ей это место, чтобы не заблудиться.

Воздух здесь был прохладнее, пах прелью и мхом. Где-то высоко, в кронах, заскрипела ветка. Веря невольно оглянулась, но ничего не увидела - только стволы да переплетение ветвей. Она глубоко вдохнула, нащупала на шее оберег - гладкий, прохладный - и пошла вперёд, улыбнувшись - нечего пугаться каждого шороха. Впереди уже виднелись просветы между деревьями - значит, полянка близко и совсем скоро она пойдет обратно.

Земляника раскинулась перед ней щедрым ковром: алые ягоды прятались среди зелёных листьев, выглядывали из-под травинки, будто дразня. Первая ягода оказалась крупной и спелой - Кисло-сладкий вкус мгновенно перенёс её в детство.

Вот она, совсем маленькая, бежит по этой же полянке, а мама смеётся и кричит: «Веря, не торопись, смотри под ноги!» Отец тогда наклонялся, срывал самую крупную ягоду и давал

ей со словами: «Самая сладкая - для моей девочки». Они собирали ягоды вместе, а потом мама варила варенье, и весь дом наполнялся душистым ароматом

Воспоминание обожгло сердце теплом, но на этот раз не вызвало острой боли. Веря тряхнула головой, отгоняя видения, и продолжила собирать. В этот раз воспоминания не сковывали её - они словно согревали изнутри, напоминая, что любовь родителей всё ещё с ней.

Пальцы быстро нашли привычный ритм, а корзина наполнялась на глазах.

Поляна всё так же пестрела алыми точками среди травы - щедрая, спокойная, будто и не отдала полную корзину ягод, а лишь поделилась частью своего богатства.

Поднявшись она повернулась к тропе - и замерла. Что-то было не так.

Сначала она не поняла, что именно. Всё выглядело привычно: деревья, кусты, тропа, уходящая вглубь леса. Но что-то в их расположении

Тропа уходила вглубь леса - прямая, знакомая, протоптанная еще задолго до ее во. Но теперь она казалась **слишком прямой**, как вспаханная борозда. В лесу такого не бывает.

Воздух сгустился, стал **плотным**, почти осязаемым. Он сдавливал легкие изнутри, заставлял задыхаться, что может быть привычнее чем дышать? Веря сделала шаг вперед - и услышала, как хрустнула ветка под ногами. Звук наполнил все вокруг отголосками и эхом, слишком **сухим и резким**, словно она наступила на кость.

И так же мгновенно пропал. Тишина. Полная, абсолютная тишина. Ни птичьих голосов, ни шороха листьев, ни ветра. Бежать, нужно скорее бежать домой, но что-то мешало даже двинуть рукой.

Взгляд. Тяжелый, липкий, будто кто-то провёл холодным пальцем вдоль позвоночника. Сжав рукоятку корзины до боли в костяшках, она смогла двинуться, обернулась, но ничего. Только стволы, переплетение ветвей и тени, слишком длинные, слишком резкие. Они шевелились. Медленно, едва заметно, но шевелились - не в такт движению ветвей.

В груди заколотилось сердце, когда из-за старого пня что-то шевельнулось.

Всего на миг - тень, более густая, чем остальные. Высокая, сгорбленная фигура с неестественно длинными руками, свисающими почти до земли. Лицо она не успела разглядеть его целиком, только запавшие глаза, в которых не было ничего человеческого, и приоткрытый рот, из которого капала густая, чёрная жидкость. Она падала на мох, и там, где капли касались земли, появлялись маленькие дымящиеся ямки.

Упырь.

Время остановилось. Веря не могла пошевелиться. В голове вспыхнули обрывки того дня - холодного, ветреного, когда всё изменилось. Крики матери снова начали звучать в голове, заглушая биение сердца, заглушая все вокруг. Перед глазами всплыли ее руки, покрытые кровью, она тянулась к ней и кричала.

Нет.

Она не повторит судьбу родителей, лес не заберет и ее. Приложив, казалось, все силы что остались, Веря выпрямилась.

- Уходи, - выдохнула она хрипло.

Фигура дрогнула. На мгновение показалось, что она сейчас двинется вперед - но вдруг тень **рассыпалась**, распалась на клочья тумана, которые втянулись в землю у корней пня.

Тишина треснула. Ветер ударил в лицо, ветви зашуршали, зашелестели листья. Веря глубоко вдохнула, выдохнула, заставила себя сделать шаг. Потом ещё один.

Тропа снова выглядела обычной. Деревья стояли на своих местах, тени больше не шевелились. А было ли это на самом деле?

Может, это просто усталость? Или воспоминание, вырвавшееся наружу? Она коснулась лба - он был горячим. Ладонь дрожала.

- Это лес, - сказала она вслух, чтобы услышать собственный голос. - Просто лес.

Шаг за шагом, считая про себя, она пошла вперёд. С каждым шагом уверенность возвращалась. Тропа вела её домой. Или ей так казалось?

Впереди сквозь деревья замелькали первые крыши. Из труб поднимался серый дым - Лана уже затопила печь.

Солнце почти скрылось за лесом. Последние лучи окрасили небо в багровый цвет - как кровь на траве в тот день. Она успеет вернуться вовремя. Как и обещала.

- Веря! - раздался голос тетушки. Она стояла у калитки, вытирая руки о передник. - Ну наконец-то! Я уж думала, ты заблудилась.

Веря улыбнулась, но улыбка получилась кривой, натянутой.

- Всё хорошо, - сказала она. - Я собрала землянику. Смотри.

- Ты в порядке? - тихо спросила Лана. - Лицо у тебя бледное.

- Просто устала, - Веря опустила руку, спрятав пятно под передником. - В лесу было тихо. Слишком тихо.

Лана помолчала, потом кивнула, будто поняла что-то, чего не сказала вслух. - Пойдём в дом, - сказала она. - Пирог сами себя не испекут. Да и тебе отдохнуть надо.

Они вошли во двор. Веря оглянулась через плечо - на опушке, у самого края леса, ей показалось, что между деревьями мелькнула тень. Высокая, сгорбленная, с неестественно длинными руками.

Она не умолкала с того самого момента, как я сказала, что сама соберу земляники для пирогов.

- Да будет тебе, Лана, - я осторожно подпоясала любимый сарафан потуже. - Со мной всё будет хорошо. В лес я захожу далеко не стану - только до полянки у старого дуба. Наберу корзинку ягод и мигом назад.

Пальцы невольно скользнули к оберегу-луннице на груди и слегка сжали его - тётюшка велела носить его с тринадцати лет. Потом поправила концы вышитого передника, что Лана сама учила меня расшивать.

- Хоть бы пояс льняной надела, с узелками! - не унималась она. - Да полыни в карман положи - от нечисти

- Так я и надела, - я потянула за концы льняного пояса, завязанного тройным узлом. - И кошу подвязала крепко, чтоб не мешала.

Тёмные выющиеся волосы, собранные в толстую косу, были перехвачены простой льняной лентой. Я тряхнула головой - повязка держалась крепко.

Лана вздохнула, поправила сбившийся платок на затылке и хмуро оглядела меня ещё раз.

- Ну смотри - наконец сказала она. - Только до старого дуба и обратно. И если что - зови. Время-то тёплое, никто ещё не ложится. Соседушки услышат - помогут.

- Обязательно, - пообещала я и шагнула к двери.

Лёгкой походкой, с прямой осанкой - так, как учила Лана, чтобы спина не уставала от работы, - я вышла во двор. Солнце уже коснулось верхушек деревьев, окрашивая их в тревожные оранжевые тона. Тени удлинились, будто кто-то невидимый тянул их за собой.

Веря шла по тропинке, вдыхая знакомый запах раскалённого железа из кузницы, древесной смолы и скошенной травы. Деревня жила своей обычной, размеренной жизнью - шумной, хлопотливой, но такой родной. Но сегодня всё было иначе: в воздухе витало предвкушение чего-то волшебного, почти осязаемое, как лёгкий ветерок, шевелящий ленты на ещё не развешенных ветках. Завтра наступит Купало, и уже сегодня деревня делала первые шаги к празднику.

Старухи собирали **пучки крапивы** раскладывали их у порогов - говорили, что она отпугивает мавок и лобаст в купальскую ночь.

Возле колодца несколько женщин **готовили нити и ленты** для украшения: красные, зелёные, жёлтые - завтра с рассветом начнут развешивать их вдоль улиц. Девушки сносили **вышитые полотенца** с обережными узорами - коловратами, грозовиками, знаками земли - чтобы завтра украсить ими колодцы и священные места.

У деревянного идола Ярилы парни **складывали основание кострища** - пока только нижние брёвна, чтобы не развалилось. Сухие берёзовые поленья аккуратно складывали рядом: берёза считалась священным деревом, её пламя очищало от скверны.

Дети бегали с **небольшими пучками трав** - зверобоя и полыни, - и весело кричали: - Купало идёт! Купало идёт!

Старухи ходили от дома к дому, **заготавливали** глиняные кувшины для росы - завтра на заре её соберут, ведь в канун Купалы она обретает целебную силу.

Сегодня всё казалось ярче: солнце золотило крыши изб, ветер играл листьями молодых берёз, а в воздухе витало предвкушение праздника. Завтра наступит день, когда граница между мирами истончается, духи выходят из своих убежищ, а травы обретают особую силу.

У кузницы Мирослав выправлял подкову. Всё детство она его боялась, ведь именно он тряс её и требовал ответа, но со временем поняла, что он добр и заботлив - то яблочек им принесёт, то мёду ароматного. Металл под его молотом звенел ровно, ритмично, будто вторил никому не ведомой песне. Увидев Верюю, он поднял голову и усмехнулся:

- А, Веря! Неужто убежала от тётушки? Или она и не знает, что ты в лес на закате собралась?

- Знает, знает, - улыбнулась Веря. - Я надолго там не задержусь. Только за земляницей - Лана обещала пирогов сделать.

- Да уж, - покачал головой кузнец. - Только смотри, девица: на закате в лес идти - примета плохая. Коли солнце за макушки цепляется, а ты в чашу ступаешь - Леший примет тебя за свою, да и уведёт подальше. Он ведь любит тех, кто на границе дня и ночи шагает. Да и мавки нынче беспокойны - у болота голоса слышали. Говорят, заманивают. А ещё лобасты по тропам бродят - те, кто в трясине сгинул. Они тропы путают, путников в топь заводят.

- Да я ненадолго, Мирослав, - заверила Веря. - Только до полянки и обратно.

- Ну смотри, - кузнец отложил молот, вытер руки о фартук. - Тогда вот что сделай: как в лес войдёшь, встань у первой сосны, поклонись на четыре стороны да скажи: «Лес-батюшка, пусти по делу, отпусти с добром. Я не трону твоего, не спугну зверя, не сломаю ветки без нужды». И брось горсть соли на землю - это ему в знак уважения. А сарафан ты правильный выбрала я смотрю - лоскотухи красных цветов боятся, не тронут.

- Всё сделаю, как говоришь, - кивнула Веря, проверив, что не забыла соль в корзинку положить.

- Вот и ладно, - Мирослав подмигнул. - Да помни: если тропа вдруг покажется незнакомой или смех услышишь за спиной - сразу зови Ярилу. В эту ночь он всех слышит, кто с чистым сердцем просит. Завтра ведь его праздник - сила особая.

Веря кивнула и пошла дальше. Воздух и правда казался гуще обычного, будто пропитанный ожиданием. Она вспомнила, как Лана учила её: «Лес - он живой. С ним говорить надо, уважать его. И слова помнить - они силу имеют, особенно в такие дни».

Возле колодца старуха Ганна развешивала полотно и, завидев Верюю, всплеснула руками:

- Да как же она тебя отпустила в такое время? Неужто не наказала ждать до утра? В канун Купалы лес не любит, когда его тревожат без берега. Да и болото нынче шепчет - лоскотухи хороводы водят, песни поют. Кто послушает - забудет, куда шёл, за собой утащат.

- Я ненадолго, бабушка Ганна, - заверила Веря. - И пояс с узелками надела, и полынь в карман положила, и соль взяла, и сарафан красный надела.

- Ну смотри, - покачала головой старуха. - Завтра с утра венки плести будем - приходи. Да и костры разжигать начнём. А сегодня - готовься, обереги проверяй. Завтра весь день работы хватит.

- Обязательно, - кивнула Верeya.

В центре деревни, у деревянного идола Ярилы, несколько девушек **сортировали травы** для завтрашнего плетения венков. Одна из них, Марьяна, подмигнула Верее:

- В лес идёшь? Смотри, не пропусти место, где папоротник цветёт! Говорят, кто увидит - тот клад найдёт.

- Или лобасты, - добавила Марьяна шёпотом. - Говорят, они в эту ночь из трясины выходят, тропы путают. Главное иди без страха - нечисть труслива, смелости боится.

- И лоскотухи, - подхватила Маланья. - Те любят у воды стоять, косу расчёсывать. Кто на красоту заглядится - за собой утянут. Так что не смотри на отражения в воде, Верeya, и песни их не слушай.

Девушки захихикали, но Верeya только улыбнулась в ответ - знала, что это не просто шутки.

Она вдохнула полной грудью и пошла к опушке. Солнце ещё не опустилось, окрашивая небо в золотисто-лиловые оттенки лишь немного.

Верeya сжала оберег-лунницу подходя к окраине леса и тихо прошептала: - Ярило-батюшка, укажи дорогу, убереги.

Лес замер, будто прислушиваясь. Где-то вдалеке защебетала иволга. Верeya сделала шаг вперёд, и тёплый ветер подхватил её косу, будто погладив на прощание.

Не успев сделать и пары шагов в лес, ветер ударил в лицо, холодный и чуждый. Помня наказ Мирослава, Верeya дошла до первой сосны, проведя по грубой коре подушечками пальцев. Поставила корзинку и глубоко поклонилась в каждую из сторон света, приговаривая слова, что заучила ещё в детстве, когда ходила в лес с тетушкой.

Опушка осталась позади - и сразу стало тише. Шум деревни, гомон птиц, шелест травы у ног - всё будто отсекло невидимой чертой. Верeya остановилась на мгновение, вслушиваясь: редкие шорохи, скрип сухих веток, далёкое пение иволги. Воздух здесь был прохладнее, пах хвоей и влажной землёй.

Помня наказ Мирослава, она направилась к высокой сосне, которую заметила ещё с опушки. Поставив корзинку на мох, откинула край холстины и осторожно достала горсть соли. Расправив плечи, Верeya глубоко поклонилась на четыре стороны и негромко произнесла слова, которые велел сказать кузнец:

- Лес-батюшка, пусти по делу, отпусти с добром. Я не трону твоего, не спугну зверя, не сломаю ветки без нужды.

Закончив, бросила добрую щепотку соли у корней сосны и на мгновение замерла, прислушиваясь. Тишина. Только где-то вдали стучал дятел да шуршали листья на ветру.

Воспоминание мелькнуло само собой: вот она, совсем маленькая, стоит рядом с Ланой у этого же дерева. Тётушка строго кивает, а Верeya хихикает, представляя огромного Лешего за стволом. Теперь всё иначе - ни смеха, ни беззаботности, лишь сосредоточенность и уважение.

Взяв корзинку, Верeya двинулась дальше. До земляничной полянки оставалось всего верста на север. Тропа поначалу была знакомой: вот старый пенёк, куст шиповника, что только набрал розовые бутоны, вот берёза с отметиной на коре - Лана когда-то показала ей это место, чтобы не заблудиться.

Воздух здесь был прохладнее, пах прелью и мхом. Где-то высоко, в кронах, заскрипела ветка. Верeya невольно оглянулась, но ничего не увидела - только стволы да переплетение ветвей. Она глубоко вдохнула, нащупала на шее оберег - гладкий, прохладный - и пошла впе-

рѐд, улыбнувшись - нечего пугаться каждого шороха. Впереди уже виднелись просветы между деревьями - значит, полянка близко и совсем скоро она пойдет обратно.

Земляника раскинулась перед ней щедрым ковром: алые ягоды прятались среди зелёных листьев, выглядывали из-под травинок, будто дразня. Первая ягода оказалась крупной и спелой - Кисло-сладкий вкус мгновенно перенёс её в детство.

Вот она, совсем маленькая, бежит по этой же полянке, а мама смеётся и кричит: «Веря, не торопись, смотри под ноги!» Отец тогда наклонялся, срывал самую крупную ягоду и давал ей со словами: «Самая сладкая - для моей девочки». Они собирали ягоды вместе, а потом мама варила варенье, и весь дом наполнялся душистым ароматом

Воспоминание обожгло сердце теплом, но на этот раз не вызвало острой боли. Веря тряхнула головой, отгоняя видения, и продолжила собирать. В этот раз воспоминания не сковывали её - они словно согревали изнутри, напоминая, что любовь родителей всё ещё с ней.

Пальцы быстро нашли привычный ритм, а корзина наполнялась на глазах.

Поляна всё так же пестрела алыми точками среди травы - щедрая, спокойная, будто и не отдала полную корзину ягод, а лишь поделилась частью своего богатства.

Поднявшись она повернулась к тропе - и замерла. Что-то было не так.

Сначала она не поняла, что именно. Всё выглядело привычно: деревья, кусты, тропа, уходящая вглубь леса. Но что-то в их расположении

Тропа уходила вглубь леса - прямая, знакомая, протоптанная еще задолго до ее во. Но теперь она казалась **слишком прямой**, как вспаханная борозда. В лесу такого не бывает.

Воздух сгустился, стал **плотным**, почти осязаемым. Он сдавливал легкие изнутри, заставлял задыхаться, что может быть привычнее чем дышать? Веря сделала шаг вперёд - и услышала, как хрустнула ветка под ногой. Звук наполнил все вокруг отголосками и эхом, **слишком сухим и резким**, словно она наступила на кость.

И так же мгновенно пропал. Тишина. Полная, абсолютная тишина. Ни птичьих голосов, ни шороха листьев, ни ветра. Бежать, нужно скорее бежать домой, но что-то мешало даже двинуть рукой.

Взгляд. Тяжёлый, липкий, будто кто-то провёл холодным пальцем вдоль позвоночника. Сжав рукоятку корзины до боли в костяшках, она смогла двинуться, обернулась, но ничего. Только стволы, переплетение ветвей и тени, слишком длинные, слишком резкие. Они шевелились. Медленно, едва заметно, но шевелились - не в такт движению ветвей.

В груди заколотилось сердце, когда из-за старого пня что-то шевельнулось.

Всего на миг - тень, более густая, чем остальные. Высокая, сгорбленная фигура с неестественно длинными руками, свисающими почти до земли. Лицо она не успела разглядеть его целиком, только запавшие глаза, в которых не было ничего человеческого, и приоткрытый рот, из которого капала густая, чёрная жидкость. Она падала на мох, и там, где капли касались земли, появлялись маленькие дымящиеся ямки.

Упырь.

Время остановилось. Веря не могла пошевелиться. В голове вспыхнули обрывки того дня - холодного, ветреного, когда всё изменилось. Крики матери снова начали звучать в голове, заглушая биение сердца, заглушая все вокруг. Перед глазами всплыли ее руки, покрытые кровью, она тянулась к ней и кричала.

Нет.

Она не повторит судьбу родителей, лес не заберет и ее. Приложив, казалось, все силы что остались, Веря выпрямилась.

- Уходи, - выдохнула она хрипло.

Фигура дрогнула. На мгновение показалось, что она сейчас двинется вперёд - но вдруг тень **рассыпалась**, распалась на клочья тумана, которые втянулись в землю у корней пня.

Тишина треснула. Ветер ударил в лицо, ветви заскрипели, зашелестели листья. Веря глубоко вдохнула, выдохнула, заставила себя сделать шаг. Потом ещё один.

Тропа снова выглядела обычной. Деревья стояли на своих местах, тени больше не шевелились. А было ли это на самом деле?

Может, это просто усталость? Или воспоминание, вырвавшееся наружу? Она коснулась лба - он был горячим. Ладонь дрожала.

- Это лес, - сказала она вслух, чтобы услышать собственный голос. - Просто лес.

Шаг за шагом, считая про себя, она пошла вперёд. С каждым шагом уверенность возвращалась. Тропа вела её домой. Или ей так казалось?

Впереди сквозь деревья замелькали первые крыши. Из труб поднимался серый дым - Лана уже затопила печь.

Солнце почти скрылось за лесом. Последние лучи окрасили небо в багровый цвет - как кровь на траве в тот день. Она успеет вернуться вовремя. Как и обещала.

- Веря! - раздался голос тетушки. Она стояла у калитки, вытирая руки о передник. - Ну наконец-то! Я уж думала, ты заблудилась.

Веря улыбнулась, но улыбка получилась кривой, натянутой.

- Всё хорошо, - сказала она. - Я собрала землянику. Смотри.

- Ты в порядке? - тихо спросила Лана. - Лицо у тебя бледное.

- Просто устала, - В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.